

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАДИЦИИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ СОЦИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Владимир Константинович Ботнев^а

DOI: 10.22394/2070-8378-2024-26-5-20-25

Сергей Владимирович Ботнев^а

Андрей Дмитриевич Харитонов-Таневский^а

^а Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация: В настоящей статье затрагивается актуальная проблематика социальной консолидации современного российского общества, что вызвано рядом исторических и политических причин, а также особенностями отечественного этноконфессионального портрета. Рассматриваются различные подходы к пониманию традиции – как с лингвистической, так и с теологической точки зрения. Особое внимание уделяется имплементации и интериоризации религиозных традиций в правовую систему. Одним из ключевых результатов рассматриваемых процессов является создание диалоговой платформы для взаимодействия различных религий, что будет способствовать формированию консолидированного гражданского общества. Обращаясь к ретроспективному анализу, авторы отмечают, что отечественная история богата примерами различных подходов к решению данного вопроса, обладает разнообразным опытом, который применяется и в современных реалиях. Вместе с тем все более усиливающееся внешнеполитическое давление актуализирует интенсификацию работы в сферах социальной консолидации, формирования гражданской идентичности и т.д., что вкпе выступает основой для сохранения общественно-политического порядка и территориальной целостности России. Одним из таких оснований, бесспорно, являются традиции, сохранению и популяризации которых отводится особое место в современных научном и общественном дискурсах.

Ключевые слова: государственное управление, социальная консолидация, религия, традиция, право

Благодарность: Статья подготовлена в рамках работы над НИР № 12.24-2024-2 «Религиозный фактор в контексте государственного управления процессом социальной консолидации» / Институт государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ.

Дата поступления статьи в редакцию: 11 октября 2024 года.

RELIGIOUS TRADITIONS IN THE CONTEXT OF STATE CONTROL OVER THE PROCESS OF SOCIAL CONSOLIDATION

Vladimir K. Botnev^a

RESEARCH ARTICLE

Sergey V. Botnev^a

Andrey D. Kharitonov-Tanevsky^a

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: This article discusses the peculiarities of the domestic ethno-confessional portrait and the pressing issue of social consolidation in contemporary Russian society, which is caused by historical and political factors. Both linguistically and theologically, the authors explore a range of methods for understanding tradition. Emphasis is placed on implementing and interiorizing religious traditions into the legal system. One of the core outcomes of the processes under consideration is establishing a dialog platform for interreligious communication, which will contribute to forming a consolidated civil society. Referring to the retrospective analysis, the authors point out that domestic history has many examples of various approaches to resolving this problem as well as a range of experiences applied in contemporary realities. At the same time, the work in the areas of social consolidation, civil identity formation, etc., is intensified by the ever-increasing pressure from foreign policy. These efforts collectively form the foundation for maintaining Russia's territorial integrity and socio-political order. Traditions are undoubtedly one of these foundations, and their popularization and preservation are given particular importance in contemporary public and scientific discourse.

Keywords: state control, social consolidation, religion, tradition, law

Acknowledgment: The article was prepared as part of the research work No. 12.24-2024-2, «Religious factor in the context of state control over the process of social consolidation» / Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Received: October 11, 2024.

Введение

Вопрос социальной консолидации является одним из наиболее актуальных для России. Этот тезис обусловлен, прежде всего, спецификой отечественного этноконфессионального портрета, включающего в себя уникальное разнообразие этнического и религиозного состава населения. Данный факт актуализирует потребность в поиске неких наднациональных и надрелигиозных оснований, которые позволили бы сплотить общество вне зависимости от различий в этнической и религиозной принадлежности.

Обращаясь к ретроспективному анализу, отметим, что отечественная история богата примерами различных подходов к решению этого вопроса, имеет разнообразный опыт, применяемый и в современных реалиях. Вместе с тем все более усиливающееся внешнеполитическое давление актуализирует активизацию работы в сферах социальной консолидации, формирования гражданской идентичности и т.д., что вкупе выступает основой сохранения общественно-политического порядка и территориальной целостности России.

9 ноября 2022 года был принят Указ Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором были закреплены ценностные константы, способные консолидировать общество в независимости от региональной дифференциации. К ним относятся: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Таким образом, поиск консолидирующих оснований в нашей стране был изначально вынесен в идейно-смысловое поле. Более того, отдельное место в вопросе формирования и укрепления традиционных ценностей отводится религиям, с указанием особой для России роли православия.

Этот и ряд других нормативных правовых актов, в которых отражена рассматриваемая тематика, свидетельствуют об осознании высшими эшелонами государственной власти актуальности и, без преувеличения, жизненной необходимости социальной консолидации и поиска оснований для нее. Одним из таких оснований, бесспорно, являются традиции, сохранению и популяризации которых отводится особое место в современном научном и общественном дискурсе. Одним из ключевых акторов в этом контексте являются религиозные организации, которые проповедуют вероучения, не только сохраняющие в себе, но и транслирующие в массы различные традиции и морально-нравственные нормы.

Подходы к определению понятия «традиция»

Рассмотрим определение традиции в различных источниках, включая словарные определения, сферы права и авраамических верований, чтобы определить, как можно использовать элементы этих традиций для создания многозначной диалогической платформы, способствующей развитию сильных общественных институтов и достижению консенсуса вокруг общего блага, создания законов и вынесения судебных решений. Конечной целью является создание потенциала для построения сильного гражданского общества.

Словарные определения, как правило, повторяют и подкрепляют современное понимание концепции традиции, укореняя ее в некоторых случаях сначала в иудаизме, затем в христианстве, а потом в исламе. В общем понимании, обращаясь к словарю В.И. Даля, дефиниция выглядит следующим образом: «Традиция – преданье, все, что устно перешло от одного поколения на другое. Традиционные обычаи дипломатии, искони условно принятые» [Даль, 2006].

В свою очередь, беря за отправную точку иудаизм, «Оксфордский словарь английского языка» (далее – OED) определяет традицию как «постановление Устного Закона, не включенное в Тору, но считающееся переданным Богом Моисею и передававшееся устно из поколения в поколение; эти постановления, рассматриваемые в совокупности, составляют Мишну».

Выделяют восемь различных типов традиций в иудаизме. Традиция, как основное понятие в иудаизме, уходит корнями в самые ранние практики иудаизма, когда Тора (первые пять книг Закона, переданные Моисеем) дополнялась устными объяснениями правил повседневной жизни, которые интерпретировали и развивали Письменную Тору; впоследствии они стали известны как Устная Тора; затем Тора стала интерпретироваться, чтобы сформировать свод еврейского религиозного закона, названного «Галахой». Именно Галаха имеет самый сильный резонанс с современным пониманием концепции традиции. В иудаизме суть слова «традиция» (*masoret*) заключается в передаче чего-либо.

Лингвистические корни слова «традиция» также находятся в латинском глаголе *tradere* («передавать» или «завещать»; в греческом – *paradosis*). В OED далее рассматривается его использование в авраамических верованиях: «Действие или акт передачи, или перемещения чего-либо; то, что передается или перемещается. Убеждение, утверждение, обычай и т.п., передаваемое неписьменным путем (в частности, из уст в уста или на практике) из поколения в поколение; такие убеждения и т.п. рассматриваются коллективно».

В раннем употреблении часто использовался критически, например, по отношению к еврейским обычаям и католическим учениям».

В определенной мере традиция относится к теологическому использованию этого термина; в OED

Хорошее управление

утверждается: «Доктрина или определенная доктрина, которая не изложена в Священном Писании, но которая, как считается, обладает сопоставимым авторитетом, будучи переданной устно или другими неписьменными способами».

Для христианской церкви OED описывает ее как «доктрину или конкретное учение, которое, хотя и не отражено в Библии, считается происходящим из устного учения Христа и Апостолов и богооткровенным. Также: передача такой доктрины. В более позднем употреблении (в римско-католическом и православном) часто с заглавной буквы, или изменено на святой, священный и т.д.». И для ислама: «Рассказ об изречении или поступке Мухаммада, не записанном в Коране, но считающемся изначально переданным устно и впоследствии записанным; эти рассказы рассматриваются в совокупности, особенно те, которые составляют сборник, принятый в качестве авторитетного в суннитском исламе, но не в шиитском исламе».

Этот аспект традиции далее определяется как идея, как практика или обычай, который является общепринятым и установился в течение определенного периода времени. Она существует в рамках общества, веры или социальной группы и рассматривается коллективно. Этот термин также используется в искусстве, литературе и музыке для обозначения людей или групп людей, за которыми следуют другие.

Показательно, что определение Дауни в «Оксфордском словаре по философии» [Downie, 2005. Р. 1760–1761] расходится с ситуацией, в которой религиозные группы определяют и совершенствуют традицию с течением времени, но тем не менее оно отражает современное популярное и политическое понимание традиции: «Обычные наборы убеждений или способов поведения неопределенного происхождения, которые принимаются теми, кто принадлежит к традиции, как убедительные или даже авторитетные, и которые передаются путем нерелексивного примера и подражания».

[...] Природа традиций такова, что их нельзя (логически) завещать; скорее, они вырастают сами. Традиции существуют во всех сферах жизни – в литературе, религии, правовых институтах и так далее – этот термин представляет особый интерес в политической философии. Те политические философы, которые враждебно относятся к идее традиции, считают, что она представляет собой укоренившиеся привилегии, сдерживающие политический и социальный прогресс, и противопоставляют ее видению человеческих существ, управляющих своей судьбой с помощью рациональных решений и отстаивающих рационально обоснованные права. Подобной позиции придерживались революционные политические мыслители, такие как Руссо, Том Пейн и Ричард Прайс. Их позиции противостояли такие мыслители, как Эдмунд Берк, который

меньше верил в разум. Для традиционалистов, как Берк, социальная жизнь поддерживается не столько рациональным принятием решений, сколько чувствами, привычками, эмоциональными привязанностями и условностями».

Именно предположение Дауни о том, что происхождение традиции неопределенно, а передача или трансформация ее с течением времени нерелексивна, возможно, наименее точно, если рассмотреть его в свете того, как некоторые конфессии тщательно выясняли и развивали свою традицию с течением времени. Традиции веры, как правило, определяли ранних лидеров веры, способных создавать и передавать авторитетные учения, и создавали системы, которые обеспечивали подлинность традиции по мере ее развития. Аналогичным образом, если рассматривать традицию в рамках закона, в частности, в странах с системами общего права, прецедент, который является составной частью правовой традиции, будет тщательно и вдумчиво разрабатываться на протяжении веков.

Хотя между словарными определениями существуют некоторые расхождения, в первую очередь в том, насколько тщательно определяется содержание традиции, на данном этапе можно наметить основные нити, из которых она сплетается. Таким образом, традиция включает в себя понятие передачи и дополнения; это то, что дополняет основной свод правил и может стать авторитетным текстом, что облегчает и скрепляет отношения (с божеством) и создает сплоченность внутри сообщества. Она позволяет сообществу выжить в качестве группы меньшинства в гражданском обществе и может рассматриваться как божественный закон. Это то, что является нормативным и обязательным по сравнению с тем, что имеет его торическое значение, но не является нормативным и обязательным, что также можно описать как правила, регулирующие повседневную жизнь. Уже сейчас прослеживается, как традиция может быть использована для облегчения диалога между группами. Это связано с ее использованием в качестве инструмента, способствующего сплоченности и взаимоотношениям. Она одновременно защищает идентичность и, что очень важно, открыта развитию с течением времени. Она содержит в себе метод формулирования правил, регулирующих поведение, часто основанный на моральном кодексе.

Традиция и закон

В контексте данной статьи «закон» понимается как свод правил, установленных правительством или группой правительств, регулирующих взаимодействие людей друг с другом и с государством, а также взаимодействие между национальными государствами. Он будет содержать механизмы принуждения к исполнению. В национальном (а иногда и в международном) контексте он будет предусматривать санкции за нарушение.

Национальное и международное право может быть создано национальными парламентами или представителями национальных государств. Религиозное право – это свод правил, применимых к членам религиозной группы и регулирующих индивидуальное поведение, предписанное их религией, а также взаимодействие между членами этой группы и между людьми и государством. Оно может быть создано религиозными группами для членов этой группы или государством. Для разрешения споров, касающихся закона, будет существовать система судебного разбирательства, а в основе создания закона и судебного разбирательства будет лежать система моральных и/или теоретических рассуждений в плане формулирования норм и процесса появления закона, а также способа разрешения споров. Правоприменение будет зависеть от авторитета и власти законодателя и степени контроля, который он стремится установить над теми, на кого распространяется действие закона.

Понятие традиции связывается с дисциплиной права в различных аспектах. Во-первых, когда общество (и, в частности, правительство) устанавливает нормы для того, чтобы сформулировать закон. При этом возникает традиция, в соответствии с которой этические рассуждения применяются для создания моральной основы закона. Традиция также будет диктовать, какие группы в обществе или отдельные люди будут услышаны в дебатах вокруг создания закона. Во-вторых, когда моральные принципы применяются к формулированию закона. Традиция будет развиваться вокруг того, как создается закон, включая используемые источники и способы их применения и интерпретации, а также процесс, в ходе которого правило формулируется, записывается и в конечном итоге получает статус закона. В системе общего права в этом участвуют как парламент, так и суды.

В-третьих, традиции также проявляются при рассмотрении споров. Это включает в себя правила толкования правовых документов и правила судебного рассуждения и прецедента (*stare decisis*). Общее право, в частности, подразумевает концепцию предыдущих поколений юристов, передающих свою мудрость будущим поколениям на основе той или иной формы прецедента или установленных причин. В-четвертых, традиция будет влиять на конкретное конституционное урегулирование, существующее в рамках национального государства или межправительственной либо наднациональной правовой системы, действующей между государствами. Такая традиция будет определять не только конституционную структуру, но и механизмы, созданные для обеспечения эффективного функционирования этой структуры.

Это связано с тем, что писанный закон не может регулировать все тонкости работы правительства и его отношений с гражданами. Потребуется проявление

свободы действий и применение определенных практик. Великобритания с ее «неписаной» конституцией является примером конституционного урегулирования, которое особенно зависит от традиции, и где конституционная традиция (и, в частности, роль судей в рамках этой традиции) в настоящее время является предметом оживленных дебатов [Etkins, 2018].

По мнению некоторых юристов, раввинов, теологов и ученых, понятие и использование традиции в отношении создания права и вынесения судебных решений со времен Просвещения, а для некоторых – и со времен европейской Реформации, претерпели изменения. Произошел отход от веры и их традиций как основы для создания национального и международного права и вынесения судебных решений. Со временем внутри конфессий стали появляться попытки противопоставить этому ортодоксальность и вернуться к тому времени, когда традиция была зафиксирована впервые, до того момента, как произошла культурная адаптация. Особенно это проявилось в исламе с распространением неопундаментализма в виде «Братьев-мусульман»¹.

По причинам, изложенным в начале этой главы, существует необходимость переоценки того, где мы находимся, и пересмотра того, что мы понимаем под «традицией», как мы действуем в свете традиции и как это может повлиять на управление, моральное мышление, создание законов и вынесение судебных решений. Такие авторы, как Дэвид, уже начали прокладывать эту тропу, привлекая внимание к богатым еврейским и исламским традициям, которые потенциально могут быть использованы в текущих юридических дебатах [David, 2014]. Аналогичным образом, в христианской традиции такие авторы, как Кокран и Кало, Макилрой, Чаплин, Рид, Саговский и Стрикленд, привлекают теологию, чтобы вновь заявить о роли различных конфессий в управлении, создании законов и судебном разбирательстве [Cochran, Calo, 2017; McIlroy, 2009; Чаплин, 2011; Reed, 2013; Sagovsky, 2008; Strickland, 1999]. В ходе этих дебатов необходимо понять, каким образом конфессии принимают и развивают традиции и как это может повлиять на национальное и международное правовое мышление.

В свою очередь, Равич, Бобрович, Макфол, Куреши, Бахшизаде, Ванони и Рагоне утверждают, что связи между правом и религиозными традициями не обязательно образуют или должны образовывать одностроннее движение – либо закон навязывает нормы религиозным традициям, либо религиозные традиции навязывают нормы созданию закона и вынесению судебных решений [Ravitch, 2018. P. 71–85; Bobrowicz, 2018. P. 87–118; McFaul, 2018. P. 119–133; Qureshi, 2018. P. 29–42; Bakhshizadeh, 2018. P. 43–70; Vanoni, Ragone,

1 *Организация признана в Российской Федерации террористической.

Хорошее управление

2018. Р. 1–28]. Диалогический подход между традициями веры, между этими традициями и другими институтами гражданского общества, а также между этими общественными институтами и государством предполагает как контекстуализацию традиций веры, так и приспособление религии к гражданской жизни.

Заключение

Выше мы попытались обосновать включение религиозной традиции как одного из множества голосов в гражданском обществе, которые могут способствовать созданию сильных промежуточных институтов, направленных на защиту основных прав, формирование консенсуса вокруг основ общего блага и в конечном счете поддержание мирных отношений в обществе.

Мы сосредоточились на определении традиции как понятия, исследуя его существование и развитие в различных видах и сферах, включая словари, философию и социологию. Это понятие было рассмотрено в контексте права и трех авраамических религий. Это было предпринято для того, чтобы установить, как традиции развиваются и используются в институте или группе, к которой он принадлежит, и понять, как это может привести к созданию многозначной диалогической платформы для взаимодействия институтов друг с другом с целью создания сильного плюралистического гражданского общества. Было предложено, что, несмотря на различные облики традиции, а точнее, благодаря им, ее можно использовать как платформу для диалога, направленного на достижение консенсуса, достаточного для мирного сосуществования, но при этом способного защитить индивидуальность.

Прислушавшись к предостережениям Кало [Calo, 2018. Р. 135–151] относительно современных тенденций к детрадиционализации, ведущих к растущей фрагментации гражданского общества, наши исследования показали, что, в частности, религиозные традиции обладают способностью объединять различные

направления или понимания традиции таким образом, что они могут дать представление о многозначном методе вступления в диалог. В частности, иудаизм дает понимание этой концепции, которое может способствовать построению отношений и общины, а также контекстуализации себя с течением времени.

Христианство содержит механизмы контекстуализации и культурной адаптации, а также подход к традиции, который в наше время защищает аутентичность и может помочь в борьбе с формами экстремизма. В модели Ньюмана оно обеспечивает рамки для безопасного развития традиции, стремясь при этом защитить основную идентичность. Наряду с иудаизмом и исламом, оно привносит сильное чувство важности создания сообщества.

Ислам содержит инструменты правового анализа и создания законов, что способствует многовариантному подходу к принятию решений. Это может способствовать совместной жизни общины в национальном и международном масштабе, противодействуя более серьезным последствиям светского диалога, проявляющимся в крайних формах светскости, а также в формах теократии и конфессионализма. Он также будет направлен на решение проблемы дефицита демократии и разрушения социальной сплоченности, возникающей, когда совокупность традиций веры игнорируется теми, кто управляет, а также теми, кто создает законы и выносит судебные решения.

Предполагается, что сам процесс создания и взаимодействия с этой плюралистической диалогической платформой оживит не только сильные религиозные институты, но и роль институтов гражданского общества в целом. В конечном итоге это приведет к повышению эффективности процесса социальной консолидации, в котором будет слышен голос множества религий, что особенно актуально для Российской Федерации.

Литература

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 4. Р-Я.
- Чаплин Дж. Герман Дуйевверд. Христианский философ государства и гражданского общества. Нотр-Дам, Индиана: Изд-во Университета Нотр-Дам, 2011.
- Bakhshizadeh M. An Analysis of Possibility of Fulfilling Gender Equality Within the Legal System of the Islamic Republic of Iran // Giles J., Pin A., Ravitch F. (eds) Law, religion and tradition. Springer International Publishing AG, 2018. P. 43–70. https://doi.org/10.1007/978-3-319-96749-3_3. In English
- Bobrowicz R. The Inverted Relationship: Constitutive Theory of Law and the Enforcement of Orthodoxy in Book XVI of the Theodosian Code // Giles J., Pin A., Ravitch F. (eds) Law, religion and tradition. Springer International Publishing AG, 2018. P. 87–118. https://doi.org/10.1007/978-3-319-96749-3_5. In English
- Calo Z.R. Law and Religion in a Detraditionalized Europe // Giles J., Pin A., Ravitch F. (eds) Law, religion and tradition. Springer International Publishing AG, 2018. P. 135–151. https://doi.org/10.1007/978-3-319-96749-3_7. In English
- Cochran R., Calo Z. Agape, justice and law: how might Christian love shape law? Cambridge: Cambridge University Press, 2017. In English
- David J.E. Jurisprudence and theology in late ancient and medieval Jewish thought. Springer, 2014. In English
- Downie R.S. Tradition // Honderich T. (ed.) The Oxford companion to philosophy. Oxford: Oxford University press, 2005. P. 1760–1761. In English
- Etkins R. (ed) Judicial power and the balance of our constitution. Two lectures by John Finnis. Judicial power project. Policy exchange. 2018. In English
- McFaul H. Freedom of Religion and the Invention of Tradition // Giles J., Pin A., Ravitch F. (eds) Law, religion and tradition.

- Springer International Publishing AG., 2018. P. 119–133. https://doi.org/10.1007/978-3-319-96749-3_6. In English
- McIlroy D. A trinitarian theology of law: in conversation with Jürgen Moltmann, O'Donovan and Thomas Aquinas. Eugene, Oregon: Wipf and Stock Publishers, 2009. In English
- Oxford English Dictionary (2002, 2017 update). Oxford University Press, Oxford. In English
- Qureshi M.A. The Blasphemy laws of Pakistan: experimenting with history and tradition // Giles J., Pin A., Ravitch F. (eds) Law, religion and tradition. New York: Springer International Publishing AG, 2018. P. 29–42. https://doi.org/10.1007/978-3-319-96749-3_2. In English
- Ravitch F. Tradition's edge: interactions between religious tradition and sexual freedom // Giles J., Pin A., Ravitch F. (eds) Law, religion and tradition. Springer International Publishing AG, 2018. P. 71–85. https://doi.org/10.1007/978-3-319-96749-3_4. In English
- Reed E. A theology of international law. London; Oxford: Bloomsbury T&T Clark, 2013. In English
- Sagovsky N. Christian tradition and the practice of justice. London: Society for Promoting Christian Knowledge, 2008. In English
- Vanoni L.P., Ragone G. From the secularisation theory to the pluralistic approach: reconciling religious traditions and modernity in Italian case-law // Giles J., Pin A., Ravitch F. (eds) Law, religion and tradition. Springer International Publishing AG, 2018. P. 1–28. https://doi.org/10.1007/978-3-319-96749-3_1. In English

References

- Chaplin J. Herman Dooyeweerd. The Christian philosopher of state and civil society. Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 2011. In Russian
- Dal V.I. Explanatory dictionary of the living great Russian language: In 4 volumes. Moscow: RIPOL klassik, 2006. Vol. 4. R-Ya. In Russian

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Владимир Константинович Ботнев, доктор юридических наук, доцент, директор Центра мониторинга государственного управления и права факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119606, Москва, проспект Вернадского, 84). E-mail: botnev-vk@ranepa.ru

Сергей Владимирович Ботнев, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119606, Москва, проспект Вернадского, 84). E-mail: botnev-sv@ranepa.ru

Андрей Дмитриевич Харитонов-Таневский, аналитик Центра мониторинга государственного управления и права факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119606, Москва, проспект Вернадского, 84). E-mail: kharitonov-ad@ranepa.ru

Для цитирования: Ботнев В.К., Ботнев С.В., Харитонов-Таневский А.Д. Религиозные традиции в контексте государственного управления процессом социальной консолидации. *Государственная служба*. 2024. № 5. С. 20–25.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Vladimir K. Botnev, Doctor of Sci. (Law), Associate Professor, Director of the Center for Monitoring Public Administration and Law, Faculty of State and Municipal Administration, Institute of Public Administration and Civil Service
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119606, Russian Federation). E-mail: botnev-vk@ranepa.ru

Sergey V. Botnev, Candidate of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of State Legal Disciplines of the Higher School of Law, Institute of Public Administration and Civil Service
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119606, Russian Federation). E-mail: botnev-sv@ranepa.ru

Andrey D. Kharitonov-Tanevsky, analyst of the Center for Monitoring Public Administration and Law of the Faculty of State and Municipal Administration, Institute of Public Administration and Civil Service
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119606, Russian Federation). E-mail: kharitonov-ad@ranepa.ru

For citation: Botnev V.K., Botnev S.V., Kharitonov-Tanevsky A.D. Religious traditions in the context of state control over the process of social consolidation. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2024. No. 5. P. 20–25.